

ЛЕКСИЧЕСКАЯ НАПОЛНЕННОСТЬ ОДНОСЛОВНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.А. ДУРОВОЙ

Волкова К.Р.

Елабужский государственный педагогический университет, Елабуга

В рамках научного проекта «Функционирование языковых категорий и единиц в текстовом поле «елабужских» авторов» на базе ЕГПУ ведутся лингвистические исследования, одним из векторов которых является тема «Онимы в произведениях авторов, имена которых связаны с г. Елабугой». В число таких писателей входит и Н.А. Дурова. Кавалерист-девица, участница Отечественной войны 1812 года, личный ординарец фельдмаршала М.И. Кутузова – Надежда Андреевна Дурова – прожила в г. Елабуге почти тридцать лет (1841-1866 гг.). Ее литературное творчество известно широкой аудитории читателей по произведению «Записки кавалерист-девицы». Но знаменитой женщине принадлежит целый ряд разножанровых эпических произведений (рассказы, повести, роман). Особого внимания заслуживают художественные тексты кавалерист-девицы в лингвистическом аспекте, которые до сих пор не подвергались специальному исследованию.

В ходе данной работы был рассмотрен состав одночленных антропонимических моделей в литературных произведениях Н.А. Дуровой. Однословные онимы исследуемых художественных текстов, образуя богатую систему имен собственных, представлены следующими антропонимическими моделями: личные имена, фамилии, отчества и прозвища, среди которых многочисленными являются личные и фамильные номинативные знаки.

Зафиксированные личные имена в произведениях Дуровой формируют крупный пласт в антропонимическом пространстве исследуемых текстов (*Ефим, Степан, Рувим, Гамет, Самуил, Иосиф, Вениамин, Розалия, Елена, Акулина, Леокадия, Прасковья, Маргарита, Роксана, Рахиль* и др.).

Дурова выделяется толерантностью и особым почтением к народам России. В тексты рассматриваемых произведений включены имена представителей таких этнических групп, как татары («Записки кавалерист-девицы» – *Абурашид, Зугра, Хамитулла, Якуб*; «Клад» – *Рашид, Гамет, Зайнулла, Ибрагим*; «Нурмека. Происшествие в царствование Иоанна Грозного после покорения Казани» – *Кизбек, Нурмека, Ахмет, Фатема, Сулейман, Рашид*), марийцы («Серный ключ» – *Дукмор, Зеила*) и чуваша («Клад» – *Кочка*). История антропонимики малых наций сходна с русской: первыми приобретали фамилии наиболее богатые и знатные представители рода, а к XX веку остальная часть народа получила фамилии. В связи с тем, что персонажи, имена которых формируют этническое поле антропонимикона в произведениях, принадлежат к представителям крестьянского класса, то единицы даны только в форме личного имени ввиду отсутствия фамильных номинаций. «Тогда **Кочка**, одинъ изъ самыхъ старыхъ Чувашъ, отвель его въ уголь хижины и сталъ говорить въ полголоса», «**Кизбекъ** жива! **Нурмека** дома!», «Вот, – сказал **Хамитулла**, вдруг останавливаясь и останавливая меня, – вот, **Якуб**, моя бедная **Зугра!**..», «В начале той самой весны, когда **Дукмор** был выбран в пастухи, **Зеиле** минуло шестнадцать лет» [3, 156; 4, 59; 5, 186; 5, 370]. Следует отметить, что личные имена данных национальных групп даны только в официальной форме, без гипокористических и квалитативных вариантов имянаречения.

Надежда Андреевна активно заимствует имена литературных героев из разных произведений: *Ир* из «Одиссея» Гомера, *Шехерезада* из сказочного цикла «Тысяча и одна ночь», *Клоринда, Армида* и *Танкред* из поэмы «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо и др. Все это указывает на высокую заинтересованность кавалерист-девицы Дуровой зарубежной литературой и культурой.

Имена некоторых действующих лиц достаточно вариативны: официальная, гипокористическая и квалитативная формы употребления. Так, в повести «Угол» образ купчихи *Матрены Филипповны Федуловой* передан тремя вариантами личного имени: «**Матрёна** нахмурилась; в последних словах её мужа было нечто такое, чего она не могла покойно слушать», «Здравствуй, **Матрёша!**» «Ну, прости ж меня, **Матрёшенька**, друг мой, мир!» [2, 81; 2, 80; 2, 80]. Это свидетельствует о том, что образ литературного героя динамичен и подвержен изменениям в зависимости от происходящей бытовой ситуации.

По поводу словоформ имен П.А. Флоренский писал: «уменьшительные, ласкательные, уничижительные, насмешливые, бранные, житейские и прочие видоизменения каждого имени надлежит понимать как различные приспособления данного имени к оттенкам отношений в пределах одного народа и одного времени» [13, 100].

В некоторых примерах писательница употребляет гипокористическую форму обращения по отношению к главным героям, чтобы показать свою благосклонность к персонажу. «Вопль Маши заставил графа и **Фанничку** бежать опросты в диванную», «Но слезы нежного друга, его **Лютгардочки**, были заразительны!» [2, 102; 5, 458].

В произведениях Дуровой неофициальные формы личных имен имеют персонажи, которые также отличны от всего числа героев возрастной категорией. Так, имена детей оформлены гипокористически («**Петя! Петя**, – кричал он сыну, – что у нас завтра на театре?», «Где ж твоя маменька, **Володя?**» [5, 487; 5, 499]) и квалитативно («Дома остается губернатор, гувернантка и **Леночка**», «Почему ж, **Петруша**, с тобой и со мной нет никакой беды?», «А где ж наша **Мариолочка?**», «Нечего описывать путешествия моего под надзором старого Степана и в товариществе двенадцатилетней **Аннушки**, его дочери...» [5, 49; 5, 513; 11, 43; 11, 133]). Эти формы имен наполнены нежностью и любовью, в чем прослеживается авторское расположение к детям.

Квалитативные имена в отличие от официальных и гипокористических наименований передают любую субъективную оценку, в том числе аугментативное (увеличительно-устрашающий оттенок), деминутивное (ласкательно-уменьшительный оттенок) и пейоративное (пренебрежительно-уничижительный оттенок) значения. Уместно учесть мнение Н.В. Подольской о том, что «субъективность оценки выявляется в соответствующем контексте и не всегда зависит от суффиксации», так как каждый антропоним в тексте несет свою стилистическую функцию, поэтому не следует квалитативные имена классифицировать по аффиксам [6, 73]. Так деминутивные формы личных имен в повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» наделены определенным стилистическим смыслом: «*Лидин* счастливейший человек в мире! Он пьет дорогое вино, вихрем носится по уезду на тройке огненных коней с дюжиною валдайских колокольчиков у дуги; заезжает на перепутье то к **Машеньке**, то к **Дашеньке**, то к **Любочке**, то к **Сонечке**; то к двадцати другим, разных названий, сиренам!» [5, 326]. Из контекста видно, что эти имена имеют обобщенный характер, которые в большей степени раскрывают образ главного героя *Лидина*. Имена с суффиксами -еньк, -очк, -ечк уменьшительно-ласкательного значения в данном примере определяются как средство выражения авторской насмешки.

Неравенство социальных статусов того времени, в котором вторил автор, ярко отражалось и в антропонимической системе именования. Фамилией обладали только особые слои общества, а «обращение привилегированных сословий к низшим было самым пренебрежительным, в особенности к крепостным – только по имени, и то в пренебрежительной форме» [12, 24]. Примеры таких пейоративных имен зафиксированы в репликах персонажей произведений Н.А. Дуровой:

«**Маринка**, моя горничная, дружна очень с Рахилью...», «Крестьяне вглядывались между собою: «Поезжай, **Терешка**, у тебя есть кони дома», «Как вижу, *mon frere*, красноречие Цицерона ничто против витиеватого слога вашего **Тишки!**», [5, 390; 5, 516; 5, 534]. По замечанию В.Д. Бондалетова, «стилистическое разнообразие имен художественной литературы в конечном счете идет от стилистического богатства ономастики в жизни» [1, 64]. Употребление писательницей неофициальных форм номинаций объясняется их активным включением в разговорно-бытовую речь. Несмотря на это, некоторые слуги имеют и полные формы личных имен: «Я тотчас узнала, что это спрашивала **Наталья**, матушкина горничная», «Итак, старый **Трофим** (камердинер – К.В.) рассказал батюшке вчерашнее происшествие, удивившее и до смерти напугавшее всех наших служителей» [5, 102; 11, 48].

Проведенный анализ однокомпонентных антропонимических моделей показал, что частотность употребления фамилий приравнивается к именовым номинациям. Это объясняется следующими факторами. Все произведения Надежды Андреевны написаны задолго до отмены крепостного права: «Закончив в 1840 году издание повестей, Дурова навсегда отказалась от литературной деятельности. В течение двадцати шести последующих лет она не написала ни строчки» [9, 44]. Напомним, что крестьяне начинают получать фамилии после крепостной реформы. По мнению В.А. Никонова, становление фамилий князей, бояр, дворян и меньшинства горожан, т.е. малой доли населения страны, завершилось при Петре I (1682 по 1725 гг. правления). Таким образом, во времена кавалерист-девицы фамилией обладает лишь привилегированное сословие (князья, дворяне, купцы), которое и составляет основную часть персонажей литературного творчества кавалерист-девицы.

Фамилия – это официальное имя человека, зафиксированное в документах и обозначающее принадлежность к определенному роду. В обществе XIX века именно фамилия является строго официальной формой идентификации представителей знатного круга, в военных действиях. Эта традиция находит отражение в текстах Дуровой. «Я не всех знаю: но вот из знакомых: два брата **Лелевых**; конногвардеец **Рагоцкий**; лейб-гусары: **Верхоглядов**, **Мазовецкий**, **Сербицкий** и **Урбанович**», «Ты делаешь глупости, **Дуров!**», «У нас новый главнокомандующий: **Кутузов!**...», «Проведя два дня в шалаше **Бурого**, я спешила возвратиться в полк...», «Теперь я могу еще забыть пятнадцать лет, забыть и радостно пройти по дачам **Раля**, княгини **Вяземской**, **Нарышкиной**», «**Александров!** Вы ли это появились снова в наших местах?» [2, 67; 5, 77; 5, 199; 5, 203; 5, 501; 5, 502].

«Записки кавалерист-девицы» – это произведение о войне 1812 года. Описываемые в тексте военные события передают «состояние и боевую жизнь русской легкой кавалерии (гусары, уланы, казаки)» [9, 24]. Сугубо официальным именованием в армии является антропонимическая модель «фамилия» («После смотра и ученья пошли все офицеры обедать к **Суворову**», «По очереди пришлось мне быть на ординарцах у **Коновницына**», «У нас новый главнокомандующий: **Кутузов!**...» [5, 114; 5, 196; 5, 199]). В редких случаях отмечено употребление фамильной номинации с словом товарищ: «Меня и еще одного **товарища Вышемирского** приказал ротмистр назначить в первый взвод, под команду поручика **Бошнякова**...», «Можно ли мне видеть коннопольского полка **товарища Дурова**? Я родной дядя его» [5, 60; 5, 105]. Следует выделить примеры сочетаний фамилий со словами, указывающих на военный чин субъекта (поручик, ротмистр, офицер, генерал и другие). В тексте: «Взводный начальник наш **поручик Бошняков** взял меня и **Вышемирского** к себе на квартиру», «Мне здесь очень весело; **Вихман** и я проводим целый день у **полковника Павлищева**...», «**Офицер Вонробка** рассказывал, что в одну из своих прогулок верхом за границу встретился он и познакомился с бароном **Чехович**...» [5, 61; 5, 116; 5, 126].

Традиционным именованием для того времени являются конструкции типа

«граф + фамилия», «князь + фамилия», «барон + фамилия» и другие, указывающие на социальный статус, профессиональную сферу деятельности (*княгиня Орделинская, графиня Тревильская, профессор Доктринский, купчиха Круглова*). Исходя из структуры, данные сочетания можно назвать двучленными, но следует заметить, что семантическим значением наполнено непосредственно имя собственное, а сопутствующие слова носят добавочный оттенок в характеристике персонажа. «В этом случае модель как бы расширялась, обрастая дополнительными элементами номинации» [7, 44].

На страницах исследуемых произведений часто упоминаются фамильные имена реально-исторических личностей с однословной структурой: *Цицерон, Крез, Лукулл* и др. «*Вино явилось, и довольный хозяин говорил, что у самого Лукулла никогда не бывало такой рыбы на его роскошных пирах*» [5, 371].

Надежда Андреевна заимствует фамильные единицы литературных героев, как и личные имена собственные, из разных произведений: *Кемский* из романа Н.И. Греча «Черная женщина», *Домбидейкс* из романа «Эдинбургская темница» В. Скотта и др.

Прозвищное имя как дополнительное дается человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии [6, 115]. Прозвищные номинативные знаки в произведениях Н.А. Дуровой представлены небольшой группой: *Амазонка, Головиха, Уголлино*. Номинативный знак *Амазонка* обращен к образу самой писательницы в автобиографической повести «Записки кавалерист-девицы» и образован путем ассоциативных связей с женщинами из древнегреческой мифологии, воспитывавших в себе воинственность и силу. «*Вообразите, – говорил Плахута всем нам, – вообразите, господа, мое удивление, когда я, обедая в Витебске, в трактире, вместе с одним молодым уланом, слышу после, что этот улан Амазонка, что она была во всех сражениях в Прусскую кампанию и что теперь едет в Петербург с флигель-адъютантом, которого царь наш нарочно послал за нею!*» [5, 130]. В тесте прозвище *Головиха* реализуется в качестве значения слова «главная». Суффикс *-их* носит насмешливый оттенок и передает пренебрежительное отношение жителей города к персонажу: «*Бесполезно было бы говорить с Головихою, так обыкновенно звали ее в городе*» [5, 333]. Мотивом возникновения прозвищного имени *Уголлино* для *Фетиньи* («Угол») является персонаж трагедии Н.А. Полевого «Уголино». Герой Полевого, в свою очередь, относит нас к образу Уголино из «Божественной комедии» Данте, который умер вместе со своими сыновьями от голода. «*Георга любил он всюю душою, и хотя позволял себе называть прекрасную Фетинью «Уголлино», но тем не менее признавал, что она милая, скромная девица, редкая красавица...*» [2, 84].

Несколькими номинациями представлена антропонимическая модель «отчество». По-дружески и ласково обращается старая ключница Акулина к мещанке *Степаниде Прохоровне*: «*– То правда, матушка Прохоровна, что внука твоя красавица писаная, ну да и судьба ей будет по красоте...*» [2, 92]. Диаметрально звучит отчество в контексте: «*Велите опять Андреяновичу стать перед ним на колени*» [5, 269]. Употребление отчества на *-ич* в привилегированных кругах считалось зазорным и использовались такие именованья при обращении преимущественно к крепостным «мамкам» и «дядькам» (например, *пушкинские Савельич* в «Капитанской дочке», *Филипьевна* в «Евгении Онегине») [8, 266].

Совокупность одночленных имен собственных литературных текстов Надежды Дуровой представляет разноплановое антропонимическое пространство, которое отвечает замыслу и жанру произведений, времени и пространству событий.

Проведенный анализ одночленных моделей в произведениях Надежды Дуровой показал все оттенки богатого и разнопланового антропонимического пространства ее

художественных текстов. Ономастическая лексика характеризует авторскую индивидуальность, уровень мастерства писателя Н.А. Дуровой, знающей традиции именования конкретной социальной среды.

Список литературы

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века / сост. В.В. Ученова. – Москва: Современник, 1986. – 463 с.
3. Дурова Н.А. Клад / Н.А. Дурова. – Санкт-Петербург: Типография штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1840. – 290 с.
4. Дурова Н.А. Нурмека. Происшествие из времен Иоанна Грозного вскоре после покорения Казани / Н.А. Дурова. – Елабуга: АБАК, 1999. – 200 с.
5. Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой / сост. В.Б. Муравьев. – Москва: Моск. рабочий, 1988. – 575 с.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
7. Силаева Г.А. Антропонимия художественных произведений Л.Н. Толстого / Г.А. Силаева. – Рязань: Рязанский пед. ин-т. 1986. – 76 с.
8. Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М.В. Крюков. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. – 383 с.
9. Смиренский Б.В. Надежда Дурова / Б.В. Смиренский // Записки кавалерист-девицы. Повести. – Калининград: Калининградское книжное изд-во: Янтарный сказ, 1999. – С. 5-46.
10. Степная барышня. Проза русских писательниц XIX века / сост. В.В. Ученова. – М.: Правда, 1989. – 672 с.
11. Фантастические повести: Дурова Н.А. Ярчук собака-духовидец; Одоевский В.Ф. Саламандра; Толстой А.К. Упырь / сост. С.Ф. Васильев. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 320 с.
12. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков или энциклопедия русского быта XIX века / Ю.А. Федосюк. – М.: Флинта, 2001. – 264 с.
13. Флоренский П.А. Имена / П.А. Флоренский. – СПб.: Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2011. – 320 с.